

Министерство образования и науки Российской Федерации

Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет

Международный общественный Фонд культуры и образования

**РОССИЯ – КИТАЙ:
ПЕРЕКРЕСТНЫЙ ГОД ТУРИЗМА**

Материалы Международной научно-практической конференции

Санкт-Петербург
2012

УДК 379.81:338.48(1-87)[(470+571)+(510)]

ББК 63.3+71

Россия – Китай: перекрестный год туризма: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. И.Ю. Лапиной, С.Ю. Каргапольцева, Г.Н. Попова; СПбГАСУ. – СПб., 2012. – 256 с.

ISBN 978-5-9227-0340-6

Материалы Международной научно-практической конференции «Россия – Китай: перекрестный год туризма» представляют собой сборник трудов ученых, научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов из России, Китая, Туркменистана.

23 марта 2012 г. стартовал «Год российского туризма в Китае». Кафедра истории СПбГАСУ совместно с Международным общественным Фондом культуры и образования путем проведения этой конференции решает задачу популяризации знаний об одной из удивительных стран мира – Китае.

Публикации адресованы работникам науки, образования, культуры и всем, интересующимся вопросами истории и культуры России и Китая.

Редакционная коллегия:

И.Ю. Лапина, Г.Н. Попов,
С.Ю. Каргапольцев, Г.В. Калинина

ISBN 978-5-9227-0340-6

© Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет, 2012
© Авторы, 2012
© Дизайн обложки Л.А. Лапиной, 2012

А.Э. Терехов

аспирант

Институт восточных рукописей

Российской Академии Наук

Россия

БЛАГИЕ ЗНАМЕНА В ТРАДИЦИОННОМ КИТАЕ

Каждый, кто интересуется культурой Китая, наверняка не раз сталкивался с изображениями чудесных зверей. Таких мифологических существ, как, например, драконов, фениксов или цилиней¹, в Китае можно обнаружить и в виде скульптур в императорских парках и дворцах, и на новогодней картинке в захудалом переулке; они встречаются в традиционной архитектуре и в современной рекламе, на предметах народных промыслов и сувенирах. Сейчас они воспринимаются как сказочные животные, однако для древних китайцев все они были вполне реальными, хотя и чудесными, созданиями. Главная же причина непрекращающейся любви китайского народа к этим существам заключается в том, что на протяжении многих столетий они воспринимались как благие знамения (*жуй* 瑞).

Знамения пользовались большим авторитетом на протяжении всей истории традиционного Китая, однако в официальной идеологии наибольшее внимание уделялось дурным предзнаменованиям (*цзай* и 災異), что, в общем-то, неудивительно: они считались результатом политических ошибок или неподобающего поведения правителя, и как таковые служили орудием косвенной критики монарха. В то же время в народе особой популярностью и любовью пользовались, по понятным причинам, именно благие знамения.

Сведения о благих знамениях встречаются уже в древнейших письменных памятниках Китая. О появлении различных волшебных существ и предметов как знаках царящего в стране благоденствия, упоминается еще в «Каноне [исторических] писаний» (Шу цзин 書經) и «Каноне поэзии» (Ши цзин 詩經), отдельные части которых восходят к первой половине I тыс. до н.э. Однако в стройную систему представления о благих знамениях оформляются лишь в эпоху Чжаньго 戰國 (Сражающихся царств, V – III вв. до н.э.). Именно тогда известный мыслитель Цзоу Янь 鄒衍 (ок.

¹ Слово *цилинь* зачастую переводят на русский язык как «единорог», однако такой перевод представляется не особо удачным хотя бы уже только потому, что на некоторых изображениях, особенно поздних, это животное изображается не с одним рогом, а с двумя.

350–270 гг. до н.э.) сделал их частью своей концепции о соответствии правящих династий космическим циклам.

В основе теории Цзоу Яня лежали представления о Пяти сменяющихся друг друга фазах (*у син* 五行) – Почвы, Дерева, Металла, Огня и Воды – последовательный круговорот которых и составлял основу исторического процесса. Каждая из них покровительствовала той или иной династии, которая получала власть вслед за наступлением соответствующей фазы и погибала с её завершением. При этом момент смены фаз отмечался благим знамением, отражающим сущность нового периода. Так, легендарному Жёлтому императору (Хуан-ди 黃帝), правившему под покровительством Почвы, Небо послало гигантских муравьёв и медведек, Юю 禹, основателю династии Ся 夏, правившей под покровительством Дерева, – травы и деревья, которые не погибали осенью и зимой, Чэн Тану 成唐, основателю династии Шан 商 (XVII – XI вв. до н.э.), правившей под покровительством Металла, – появившийся из воды металлический меч, а Вэнь-вану 文王, основателю династии Чжоу 周 (XI – III вв. до н.э.), правившей под покровительством Огня, – огненно-красного ворона¹. Таким образом, благие знамения стали важным условием легитимизации власти каждой новой династии.

Дальнейшее развитие традиции знамений получила благодаря теории «стимула и отклика» или «[космического] резонанса» (*гань ин* 感應), окончательно оформившейся во второй половине периода Чжаньго. В её основе лежали представления о неразрывной связи между Небом и людьми и об «ответах» (*бао бэ*) первого на действия последних. Взаимодействие Неба и человека воспринималось по аналогии с двумя настроенными в унисон музыкальными инструментами, в результате звучания первого из которых резонировал второй. Таким образом, согласно теории *гань ин*, каждое действие человека (в первую очередь, конечно, главного из людей – монарха), является стимулом (*гань*), вызывающим появление того

¹ См. Люйши чуньцю (Весны и осени господина Люя). Пер. А. Ткаченко. М., 2001. С. 183. В другом варианте этого перечня знамением Жёлтого императора называется появление жёлтого дракона (жёлтый – цвет Почвы) и дождевых червей, знамениями Юя – пышно цветущие деревья и появление зелёного дракона (зелёный – цвет Дерева), а знамением династии Инь – серебро, которое потекло из горы (См. Сыма Цянь. Исторические записки: («Шицзи»). Т. IV. Пер. с кит., вступит. ст. и прил. Р. В. Вяткина. М., 1986. С. 159.). О знамении Воды Цзоу Янь не говорил, поскольку соответствующая фаза должна была наступить после падения династии Чжоу, при которой жил мыслитель.

или иного отклика (*ин*) Неба. Часто такое взаимодействие сравнивалось с отношениями между звуком и эхом или телом и тенью.

В результате знамения стали полагаться закономерной реакцией мироздания на события в мире людей. Всевозможные политические ошибки, упущения в государственных делах, да и просто неподобающее поведение правителя влияли на состояние космоса самым плачевным образом, приводя к засухам, наводнениям, землетрясениям и прочим проявлениям вселивской дисгармонии. С другой стороны, мудрое управление, обеспечивающее благополучное существование подданных, также не могло не отразиться на состоянии всего мироздания, но в этом случае отклики были совсем иного толка: гармония, царящая во вселенной, проявляла себя посредством чудесных зверей, волшебных предметов и удивительных природных феноменов.

Расцвет традиции благих знамений пришёлся на время правления династии Хань 漢 (202 г. до н.э. – 220 г. н.э.). До этого они были лишь объектом отвлечённых рассуждений, привилегией совершенномудрых правителей далёкой древности; суровая современная реальность с её беспрепятственными войнами и социально-политическими проблемами не давала никаких поводов для их появления. Однако объединение Китая и образование единой империи породило особую форму мировосприятия, так называемую «государственную утопию», согласно которой идеальное устройство общества было принципиально достижимо и, более того, практически достигнуто. Так, например, Дун Чжун-шу 董仲舒 (190?-120? гг. до н.э.), главный идеолог ханьского конфуцианства и ведущий специалист по знамениям, в докладе трону писал: «Ныне, Ваше Величество, Ваш высокий сан – это сан Сына Неба, Ваше богатство охватывает все ценности страны между четырех морей, Вы занимаете положение, в котором можете вызвать появление этих знамений, держите в руках власть, с помощью которой можно вызвать появление этих знамений, кроме того, обладаете природными свойствами, которые в состоянии вызвать появление этих знамений»¹. В результате, благие знамения вновь получили право на существование, и сообщения о них стали появляться по всей Поднебесной. Теперь они стали не только орудием легитимизации, но также и свидетельством успешности мироустроительной деятельности монарха, приведшей вселенную к состоянию идеальной гармонии, Великого спокойствия (*тай пин* 太平)².

¹ Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990. С. 137.

² Подробнее о концепции *тай пин* см. Духовная культура Китая. Т. 2: Мифология. Религия. М., 2007. С. 600-602.

При этом, хотя появление благих знамений и мыслились наивысшим из свидетельств наступления эпохи всеобщего благоденствия, оно воспринималось не как что-то из ряда вон выходящее, но как закономерный этап на пути устройства космоса, не имеющий принципиальных отличий от прочих проявлений мировой гармонии. Так, например, тот же Дун Чжун-шу, описывая в одной из глав своего трактата «Обильная роса "Весен и осенней"» (Чунь цю фань лу 春秋繁露) благие знамения, появившиеся во времена идеального правления совершенномудрых государей древности, не отделяет их от других признаков царящей в мире гармонии: пустующих тюрем, народа, пребывающего в покое, варваров, являющихся на аудиенцию к правителю с покорностью вассалов, строящихся храмов, совершающихся жертвоприношений и т.д.¹

Постепенно благие знамения выстроились в стройную систему, в которой каждое из них объявлялось результатом конкретных поступков правителя и наличия у него определённых качеств. Так, считалось, что зверь *люцзушоу* 六足獸 («шестиногий зверь») появляется, когда планы монарха доводятся до сведения широких масс, нефритовый цветок (*юй ин* 玉英) – когда государь обладает всеми пятью добродетелями (*у чан* 五常, «пять постоянств»), а белый заяц (*бай ту* 白兔) – когда он почитает мудрецов и пожилых людей.

Однако благие знамения могли быть не только «откликами» на добродетельное правление монарха, но и предвестиями грядущего счастья. Порой они свидетельствовали о высоком положении, которого суждено достигнуть тому или иному человеку. Так, появлением фениксов и чудесного колоса озаменовалось рождение Лю Сю 劉秀 (25 – 57 гг.), будущего основателя Восточной Хань (Дун Хань 東漢, 25-220 гг.), более известного под своим посмертным титулом Гуань-ди 光武帝. Иногда же благие знамения предвещали конкретные события в политической жизни страны: например, поимка однорогого цилиня и появление дерева, ветви которого, отходя от ствола, вновь соединялись у верхушки, при императоре У-ди 武帝 (141 – 87 гг. до н.э.) символизировали единство, к которому пришла Поднебесная, и предвещали появление варваров, желающих принять китайское подданство.

¹ См. Су Юй 蘇輿. Чунь цю фань лу и чжэн 春秋繁露義證 («Обильная роса "Весен и осенней"» с обоснованным комментарием). Пекин, 1992. Цз. 4, гл. 6, с. 102-105.

Интересно, что в китайской традиции отсутствовало чёткое разделение «предвестий» и «откликов». Более того, порой одно и то же явление рассматривалось то как предзнаменование грядущей гармонии, то как её результат. К примеру, в одних случаях появление на небосводе звезды Старца (Канопуса) объявлялось предвестием «спокойствия в душе правителя», а в другом – считалось «откликом» на него¹. Можно предположить, что такое безразличие к причинно-следственным связям было вызвано тем, что порядок в обществе понимался одновременно и как условие, и как результат гармонизации всего мироздания.

Однако благовещие существа показывались не только в периоды мировой гармонии. Иногда их случалось увидеть и в тяжёлые времена, но тогда их появление чаще всего не предвещало ничего хорошего, да и самим им приходилось несладко: зачастую их ловили или даже убивали. Так, например, поимка цилиня дровосеками из царства Лу 魯 в 481 г. до н.э. символизировала тщетность надежд Конфуция (Кун-цзы 孔子, 551 – 479 гг. до н.э.) на скорое осуществление его идеалов и предвещала гибель династии Чжоу, а появление пары драконов в колодце некоего простолюдина в 193 г. до н.э. предвещало, по мнению современников, грядущее пленение ряда удельных правителей. Тем не менее, такие случаи были в китайской истории достаточно редкими: чаще всего благие знамения выступали в своей основной роли, важность которой возрастала одновременно с усилением морально-этической составляющей в процессе трансформации представлений о Небе.

Стараниями уже упоминавшегося выше Дун Чжун-шу, Небо при Хань перестаёт быть просто безличной силой, реагирующей на те или иные поступки людей по определённым законам, в силу одной только естественной необходимости, и начинает восприниматься как разумное существо, стремящееся поддерживать порядок в обществе и с этой целью сознательно вмешивающееся в дела людей. При этом основным средством, с помощью которого Небо выражает свою волю, становятся знамения. Теперь всевозможные катастрофы воспринимаются не как простое следствие нарушения мировой гармонии, но как предостережение или наказание, посланное Небом. Соответственно, благие знамения также начинают рассматриваться не только и не столько как механический отклик на добродетельное правление, но ещё и как своего рода одобрение Неба.

Удостоившиеся его императоры зачастую издавали эдикты, в которых оповещали Поднебесную об оказанной им чести и, в свою очередь, осыпали милостями своих подданных. Так, например, ханьский император Сю-

¹ См. Ясуй Кодзан 安居香山, Накамура Сё:хати 中村璋八. Вэй шу цзи чэн 緯書集成 (Собрание апокрифических книг). В 3 тт. Шицзячжуан, 1994. Т. 2, с. 663.

ань-ди 宣帝 (91 – 49 гг. до н.э.), чьё правление оказалось отмечено целым рядом благих знамений, во втором году под девизом правления Гань-лу (52 г. до н.э.) издал эдикт, в котором говорилось: «В последнее время скапливались, спускаясь [на землю], фениксы и сладкие росы, поднимался жёлтый дракон, струились винные источники, зацветали иссохшие [растения], повсюду появлялось божественное сияние. Повсеместно были [Мы] удостоены счастливыми предзнаменованиями. По этому [случаю] объявляем амнистию по всей Поднебесной и на тридцать [монет] уменьшаем налоги для простолюдинов. Удельным князьям-принцам крови, канцлеру, генералам, князьям неимператорского рода и [высшим чиновникам с жалованьем] в полных две тысячи мер зерна жалует золотых монет, каждому разные [суммы в соответствии с рангом]. Простолюдинам жалует один ранг знатности, женщинам – [на каждые] сто дворов быка и вино, а вдовцам, вдовам, сиротам, бобылям и старцам – шелка»¹.

Спустя сто двадцать с лишним лет, в пятой луне второго года под девизом правления Юань-хэ (85 г.), похожий эдикт издал император Чжанди 章帝 (75 – 88 гг.): «В последнее время фениксы, жёлтые драконы и птицы *луань* одни за другими скапливались в семи округах, некоторые же [из них] в одном [и том же] округе появлялись дважды; что же до белых воронов, божественных птиц и сладких рос, то [и они] появлялись неоднократно. Предки [наши, следуя] установившейся традиции, [в подобных ситуациях] всегда осыпали благодеяниями [народ]. По этому [случаю] жалует [всем] служилым Поднебесной ранги знатности, по три на человека, а старцам, вдовцам, вдовам, сиротам и бобылям – шелка, по отрезу на человека. [Ибо] в канонах сказано: "Не презирает вдов, вдовцов, жалеет этих одиноких". Впридачу жалует женщинам [в землях] к югу от [Жёлтой] реки [на каждые] сто дворов быка и вино и повелеваем устроить в Поднебесной великий пир на пять дней. [Высшим чинам, начиная от] министров и ниже, жалует деньги и шёлк, каждому в разном [количестве в соответствии с рангом]. Что же до жителей Лояна, то пирующим [жалует] ткани, по отрезу на двор, [а живущим] вне городских стен – по отрезу на три двора, в общее [пользование]. Придворным академикам и ученикам, подвизавшимся в Высшем училище, жалует такни, по три отреза на человека. Приказываем областям и удельным княжествам представить двору мужей, понимающих смысл канонов, по пять человек с каждых ста тысяч жителей, [всего] – неполных тринадцать тысяч человек»².

¹ Хань шу 漢書 (Книга [по истории династии] Хань). Шанхай, 1964. Цз. 8, с. 269.

² Хоу Хань шу 後漢書 (Книга [по истории династии] Поздняя Хань). Шанхай, 1973. Цз. 3, с. 152.

Порой пожалования касались не всего народа, но лишь жителей тех областей, где появлялись знамения, и в особенности тех из них, кто видел знамения собственными глазами или даже набрался смелости подойти к ним поближе. Так, другой эдикт того же Чжан-ди, изданный спустя четыре месяца после предыдущего, гласил: «Власти и районы, в которых появлялись фениксы и жёлтые драконы, освобождаем от налогов на два года. Впридачу жалуюем мужчинам ранги знатности, по два на человека. Увидевшим [эти знамения] первыми, [жалуюем] шёлка двадцать отрезков; тем, кто [осмелился к ним] приблизиться – три отреза. Правителям областей, [где они появлялись] – тридцать отрезков, начальникам уездов – пятнадцать отрезков, а их помощникам – вполовину этого. "Песни" гласят: "Хоть в добродетели с тобою не сравнюсь, [но радость] песнею и танцем [выражаю]". Остальных же [одариваем] в соответствии с принятыми нормами пожалования рангов»¹.

Щедрые пожалования, безусловно, способствовали возникновению всё новых и новых докладов о появлении очередных свидетельств мировой гармонии. В то же время, злоупотреблять подобными сообщениями тоже не стоило: за подделку благих знамений полагалось строгое наказание. Так, в уголовном кодексе династии Тан 唐 (618-907 гг.) существовала специальная статья, посвящённая подделке благих знамений, которая гласила: «Всякий, кто подделал благовещее знамение, наказывается 2 годами каторги»². При этом наказывалось, как следует из комментариев, не столько стремление к обогащению, сколько дерзость подданных, осмелившихся лгать самому императору: «Если [кто-либо] обманом говорил о цилиндрах, фениксах, черепахах и драконах, и проверить доказательства невозможно, следуют [закону об] обмане или искажении действительности в документе, [поданном] на Высочайшее [имя], и также наказывают 2 годами каторги»³.

Занимая столь важную роль в политической идеологии традиционного Китая, благие знамения не могли не подвергнуться доскональной классификации. Известно, например, что при той же династии Тан все благие знамения делились на 4 группы по уровню значимости: великие (*да жуй* 大瑞, к ним относилось 64 типа знамений), высшие (*шан жуй* 上瑞, 38 типов), средние (*чжун жуй* 中瑞, 32 типа) и низшие (*ся жуй* 下瑞, 14 типов)⁴. К сожалению, в дошедших до нас источниках не сохранилось пол-

¹ Там же. С. 153.

² Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан луй шу и»). Цзюани 17-25 Пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. СПб., 2005. С. 348.

³ Там же. С. 349.

⁴ См. Рыбаков В.М. Танская бюрократия. Часть 1: Генезис и структура. СПб., 2009. С. 224.

ного перечня явлений, относящихся к той или иной группе. Тем не менее, мы располагаем материалами, позволяющими составить достаточно отчетливое представление о разнообразии благих знамений, и оно действительно впечатляет.

Помимо уже упоминавшихся выше драконов, фениксов и цилиней, в качестве благих знамений могли выступать такие существа, как божественная птица (*шэнь няо* 神鳥), чудесная черепаха (*лин гуй* 靈龜), драконо-вая лошадь (*лун ма* 龍馬), *хэцзин* 河精 («семя [Желтой] реки», существо с телом рыбы и человеческой головой), а также целый ряд безымянных «зверей» (*шоу* 獸): *саньцзяошоу* 三角獸 («трехрогий зверь»), *ицзяошоу* 一角獸 («однорогий зверь»), *саньцзушоу* 三足獸 («трехногий зверь») и т.д. Могли служить предвестиями счастья и более привычные нам животные, наделенные, однако, необычными чертами. Чаще всего благовещие существа отличались от обычных по окрасу: у большинства из них он белый (*бай* 白) или алый (*чи* 赤). К таким знамениям относились белый слон (*бай сянь* 白象), белая лиса (*бай ху* 白狐), белый олень (*бай лу* 白鹿), белый тигр (*бай ху* 白虎), алый медведь (*чи сюн* 赤熊), алый заяц (*чи ту* 赤兔), красный ворон (*чи у* 赤鳥), лазурный ворон (*цан у* 蒼鳥) и т.д. В число знамений входило несколько «нефритовых» (*юй* 玉) животных: нефритовая лошадь (*юй ма*), нефритовый баран (*юй ян* 玉羊), нефритовый петух (*юй цзи* 玉雞) и т.д. Нередко животные наделялись несвойственными им способностями, как, например, летающий заяц (*фэй ту* 飛兔), или же внешним видом, как девятихвостая лисица (*цзю вэй ху* 九尾狐) или трехногий ворон (*сань цзу у* 三足鳥). Особенно часто в качестве благих знамений фигурировали живые существа со сросшимися (*би* 比) частями тела, например: звери, сросшиеся плечами (*би цзянь шоу* 比肩獸), птицы, сросшиеся крыльями (*би и няо* 比翼鳥), птицы, сросшиеся сердцами (*би синь няо* 比心鳥), рыбы, сросшиеся глазами (*би му юй* 比目魚) и т.д. Кроме того, к числу знамений относились и такие совсем обычные для нас, но нехарактерные для фауны Китая животные, как, например, носорог (*цзихайси* 雞駝犀).

Однако благовещие существа были хотя и наиболее многочисленной, но при этом далеко не единственной категорией благих знамений. В каче-

стве таковых в Древнем Китае могло выступать практически всё, что угодно. Так, это могло быть явление различных божественных персонажей, таких как нефритовая дева (*юй нюй* 玉女), золотой человек (*цзинь жэнь* 金人) или даже сама Си Ван-му 西王母, легендарная владычица Запада и подательница бессмертия.

Благовещими могли быть и растения. Таковыми считались, например, чудесный колос (*цзя хэ* 嘉禾), багряная трава (*чжу цао* 朱草), трава счастья (*фу цао* 福草), волшебный гриб (*чжи цао* 芝草) и сросшиеся деревья (*му лян ли* 木連理). Отдельного упоминания заслуживают удивительные растения *ша-фу* 萼脯, *мин-цзя* 萸莢 и *цюй-и* 屈軼. Растение *ша-фу*, по поверьям, выросло на кухне совершенного мудрого правителя и, самопроизвольно колыхаясь, охлаждало предназначенную для него пищу, не позволяя ей портиться. Дерево *мин-цзя*, выроставшее во дворце монарха, служило ему календарём: число листьев на его ветвях ежедневно менялось, сообщая правителю о том, какой сегодня день месяца. Что же до травы *цюй-и*, то она, по легенде, была способна указывать на приближающихся к дворцу льстецов.

Нередко в качестве благих знамений воспринимались природные феномены вроде выпадения сладкой росы (*гань лу* 甘露), появления источников с винными струями (*ли цюань* 醴泉, «винный источник») или извержения холмами черной киноvari (*лин чу хэй дань* 陵出黑丹).

Относительно немногочисленны были благие знамения, представленные небесными феноменами. К ним относилось одновременное появление на небе солнца и луны (*жи юэ ян гуан* 日月揚光), необычные (по конфигурации и сиянию) облака – например, «облака, приносящие счастье» (*цин юнь* 慶雲), а также аномалии звездного неба: появление «сияющей звезды» (*цзин син* 景星) или сияние звезды Юнь из созвездия Ковша, которое воспринималось как активизация её энергии (*Доу Юнь цзин* 斗殞精).

Ещё одной категорией благих знамений служили всевозможные волшебные предметы. К их числу относились священные тексты, прежде всего «схема из [Желтой] реки» (*Хэ ту* 河圖) и «письмена из реки Ло» (*Ло шу* 洛書); ритуальные предметы, например, киноварный котёл (*дань цзэн* 丹甌), божественный треножник (*шэнь дин* 神鼎), серебряный сосуд (*инь*

цзи 銀麂), нефритовый горшок (юй вэн 玉甕); драгоценности – жемчужина ясной луны (мин юэ чжу 明月朱), земная жемчужина (ди чжу 地朱), изумруд (би ши 碧石), большая раковина (да бэй 大貝), коралловый крюк (шаньху гоу 珊瑚鉤) и т.д. Примечательно также включение в набор благих знамений колесниц, которые тоже имели какие-то чудесные приметы: золотая колесница (цзинь чэ 金車), колесница из древесных корней (гэнь чэ 根車), горная колесница (шань чэ 山車). В результате, список благих знамений включал в себя практически весь мир, от неодушевлённых предметов до животных и людей, от растений до звёзд. Такое разнообразие лишний раз показывает, насколько популярными были эти представления в культуре Китая.

Благие знамения пользовались огромным авторитетом на протяжении многих сотен лет, и лишь при династии Сун 宋 (960-1279 гг.) их важность стала постепенно ослабевать под натиском новой идеологической системы – неоконфуцианства. Тем не менее, значимость их сохранялась на протяжении всей истории традиционного Китая вплоть до падения монархии в 1911 г. И хотя как составляющие политической идеологии благие знамения канули в прошлое, любовь к существам, олицетворявшим собой добродетельное правление, мировую гармонию и грядущее счастье, осталась в сердцах китайского народа навсегда.

Ван Синь

студент

Санкт–Петербургский государственный
архитектурно–строительный университет
Китай

ОБ ИСТОРИИ ЧАЯ

История культивирования чайного дерева берет начало в глубине тысячелетий древнекитайской цивилизации.

Первые легенды о полезных свойствах чая относятся ко времени правления китайского императора Шень Нуна, который был вторым императором Поднебесной, известным также как Божественный целитель. Правил он в 2737–2697 гг. до н.э.